

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 891–932
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 3 (2022): 891–932

Научная статья

УДК 94(47).083

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-5>

Военный министр Российской империи А.Ф. Редигер – между службой и политикой

Андрей Николаевич Егоров

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
anegorov65@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>

Andrei N. Egorov

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
anegorov65@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>

Аннотация. В Российской империи начала XX в. наблюдался процесс постепенного отчуждения высшей власти в лице императора и его ближайшего окружения от своей важнейшей опоры – чиновничества и генералитета, что способствовало нарастанию политического кризиса. Данная проблема рассмотрена в статье на примере отдельных сторон административной и политической деятельности генерала от инфантерии А.Ф. Редигера, занимавшего должность военного министра в 1905–1909 гг. Показаны его попытки решить кадровые проблемы в армии путем удаления неквалифицированных представителей высшего командного состава, вызвавшие недовольство в придворных кругах. Проанализированы политические взгляды А.Ф. Редигера, которые можно охарактеризовать как умеренно-либеральные. Сам военный министр их никогда не афишировал, считая неприемлемым для офицера заниматься политикой, однако в силу занимаемой должности он не мог полностью дистанцироваться от политики, особенно в период революционных потрясений 1905–1907 гг. А.Ф. Редигер относился к тем государственным деятелям России, которые стремились провести серьезные реформы в конституционном направлении путем конструктивного диалога с законодательной властью. Отмечается его роль в сохранении II Государственной думы в ходе «Зурабовского инцидента», тесное сотрудничество в рамках своих министерских полномочий с комиссией по государственной обороне III Думы и пр. Подобный курс правительственного чиновника оказался неприемлемым для Николая II, что вызвало отставку Редигера. Стремление военного министра А.Ф. Редигера добиться улучшения положения дел в армии путем сотрудничества с депутатами умеренно-либерального направления (октябристами) вызвало подозрения в его политической нелояльности, для чего в реальности не было никаких оснований, а попытки решить

© Егоров А.Н., 2022

© Egorov A., 2022

кадровые проблемы путем чисток высшего офицерства ставили под сомнение всю сложившуюся кадровую политику в такой важной для царя сфере, как императорская армия. Проанализированный в статье материал убедительно показывает – основной кадровый принцип последнего царствования заключался в абсолютной лояльности монарху, из чего следовало, что любые попытки правительственного чиновника руководить на своем участке так, как он считал нужным в интересах дела, а не так, как это понималось монархом, были обречены на провал.

Ключевые слова: Военное министерство, высшее офицерство, А.Ф. Редигер, Государственная дума, Государственный совет

Для цитирования: Егоров А.Н. Военный министр Российской империи А.Ф. Редигер – между службой и политикой // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 891–932, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-5>

Minister of War of the Russian Empire A.F. Roediger: Between service and politics

Abstract. The Russian Empire of the early 20th century saw gradual alienation of the supreme authority represented by the emperor and his inner circle from the bureaucracy and the generals who were their most important supporters, which contributed to the political crisis escalation. The article considers this issue on the example of certain aspects of the administrative and political activities of Alexander Roediger, General of Infantry, who served as Minister of War in 1905–09. The article shows his attempts to solve personnel problems in the army by removing unqualified personnel from the Higher Command, which caused discontent among the courtiers. The author analyzes A. Roediger's political views, which can be described as moderately liberal. The Minister of War himself never went public about them, considering it unacceptable for an officer to engage in politics. However, due to his position, he could not completely distance himself from politics, especially during the revolutionary upheavals of 1905–07. Alexander Roediger belonged to those statesmen of Russia who sought to carry out serious reforms along the lines of constitution through a constructive dialogue with the legislative authority. The article also notes his role in preserving the Second State Duma during the “Zurabov incident,” his close cooperation within his ministerial powers with the Third Duma State Defense Commission, and so on. Such a course of the government official turned out to be unacceptable for Nicholas II, which caused resignation of Roediger. The desire of Minister of War Alexander Roediger to improve the state of things in the army through cooperation with moderately liberal deputies (members of the Octobrist Party) aroused suspicions of his political disloyalty, for which there were actually no grounds, and the attempts to solve personnel problems by purging of senior officers brought into question the established personnel policy in such an important area for the tsar as the imperial army. The material analyzed in the article convincingly shows that absolute loyalty to the monarch was the main personnel principle of the last reign. It implied that any attempts of a government official to manage his sphere as he deemed necessary in the interests of the cause rather than as it was understood by the monarch were doomed to fail.

Keywords: Ministry of War, senior officers, A. Roediger, State Duma, State Council

For citation: Egorov, A.N. “Minister of War of the Russian Empire A.F. Roediger: Between service and politics.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 3 (2022): 891–932, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-5>

Введение

Накануне Февральской революции наблюдалось совершенно очевидное отчуждение высшей власти в лице императора и его ближайшего окружения от своей важнейшей опоры – чиновничества и генералитета, что способствовало нарастанию политического кризиса в стране и быстрому падению монархии. Как отмечал наблюдательный В.В. Шульгин, в дни революции во всем Петрограде

нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... Не было, в сущности, ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает... Класс былых властителей сходил на нет¹.

Данная проблема (условно ее можно обозначить как «кадровый кризис»²) неоднократно изучалась в историографии, но как российские, так и зарубежные историки рассматривали ее в основном, применительно к самому последнему периоду существования Российской империи – 1915–1917 гг. Своеобразной точкой отсчета кадрового кризиса служило принятие Николаем II в августе 1915 г. должности Верховного главнокомандующего, что привело к ослаблению монаршего контроля над высшей бюрократией, а также к усилению влияния на управление страной императрицы и так называемых «темных сил», или «камарильи», к которым относят Г.Е. Распутина, его окружение и прочих подобных деятелей³. В историографии идут жаркие споры о степени влияния «темных сил» на внутреннюю политику Николая II, но ни у

¹ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. Москва: Современник, 1989. С. 173.

² А.Я. Аврех охарактеризовал данную проблему как «самоизоляцию династии от самых своих преданных сторонников», полагая, что эта самоизоляция явилась «следствием выхода из строя всех систем и механизмов самоконтроля, корреляции и ориентации правительственной машины» (Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. Москва: Наука, 1989. С. 245). Соглашаясь в основном с этой оценкой, все же заметим, что Аврех в духе советской историографии исходил из жестко детерминированного марксистского подхода, в котором главную роль играл не человек, а политическая система, обусловленная социально-экономическим базисом. При таком подходе «человеческий фактор» отходил на второй план – его заменяли строгие законы исторического развития.

³ См.: Лукоянов И.В. Камарилья // Первая мировая война и конец Российской империи: в 3 т. Т. 1. Политическая история / ответственный редактор И.В. Лукоянов. Санкт-Петербург: Лики России, 2014. С. 629–687.

кого не вызывает сомнений тезис о роковом влиянии большого числа кадровых назначений на падение монархии.

На наш взгляд, кадровый кризис начался не в 1915 г., а значительно раньше, и связывать его нужно не с Г.Е. Распутиным и камарильей, а с теми общими принципами подбора и назначения чиновников на высшие должности, которые сложились в правление Николая II. Для понимания кадровой политики последнего царствования необходимо рассмотреть деятельность конкретных представителей высшей администрации, причины их назначений и отставок. В данной статье кадровая политика рассматривается на примере отдельных сторон административной и политической деятельности военного министра Российской империи с 1905 по 1909 гг. А.Ф. Редигера⁴. Его работа как министра по развитию Российской армии не рассматривается – это тема отдельного военно-исторического исследования⁵.

Основная часть

Биография генерала от инфантерии А.Ф. Редигера не вполне типична для военного деятеля – он не прославился в военных кампаниях, хотя участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., не командовал крупными соединениями, не имел большого авторитета в армейской среде⁶. Собственно строевая служба

---

⁴ Научная биография А.Ф. Редигера еще не написана, о нем есть лишь ряд статей. См.: *Зайкина Т.В.* А.Ф. Редигер как государственный и военный деятель. Источники и историография проблемы (краткий научный обзор) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 407–412; *Зайкина Т.В.* Роль военного министра А.Ф. Редигера в проведении военных реформ сквозь призму его взаимоотношений с российскими государственными, политическими и общественными деятелями // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2018. Т. 20, № 3. С. 62–66; *Зайкина Т.В.* Становление А.Ф. Редигера как крупного военного профессионала // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2017. Т. 19, № 3 (2). С. 273–279.

⁵ Об общих проблемах развития Российской армии в начале XX в. см.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. Москва: Наука, 1986; *Меннинг Б.У.* Пуля и штык. Армия Российской империи, 1864–1914 / перевод с английского Н. Эдельмана; под научной редакцией О. Айрапетова. Москва: Модест Колеров, 2015; *Суряев В.Н.* Русская императорская армия накануне и в годы Великой войны. Москва: Русская панорама, Русское историческое общество, 2015.

⁶ А.Ф. Редигер вспоминал, как на некоторых заседаниях Совета государственной обороны боевые генералы смотрели на него «как на человека штатского, не знающего духа войск и требований строевой службы, по печальному недоразумению попавшему в военные министры, которого они старались назидать и направить на путь истины» (*Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. Москва: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. Т. 1. С. 466).

занимала в его военной карьере чуть больше 11 лет⁷. Его продвижение по службе скорее напоминало карьеру административного чиновника, а также ученого и преподавателя. Профессор Академии Генерального штаба с 1884 г., автор множества работ по военной администрации, комплектованию и устройству армии, он, по словам видного государственного деятеля В.И. Гурко, производил впечатление «не столько военного, сколько добросовестного профессора немецкой складки»⁸. По наблюдениям С.Ю. Витте, Редигер

представлял собою тип весьма умного, толкового, характерного и энергичного военного генерала, хотя более кабинетного, нежели боевого⁹.

А.Ф. Редигер

Схожую оценку давал Редигеру Московский губернатор, генерал-лейтенант В.Ф. Джунковский:

человек весьма толковый, дельный, отлично знакомый с делом, человек кабинетный, не боевой, но огромной трудоспособности, не стеснявшийся говорить правду¹⁰.

⁷ См.: Выписка из формулярного списка о службе высшего члена Государственного Совета, Заслуженного профессора, Почетного члена Императорской военной Академии и Почетного члена Конференции той же академии // Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания. Т. 2. С. 483–499.

⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. С. 478.

⁹ Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. / под общей редакцией А.Л. Сидорова. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 3. С. 496.

Представитель высшей административной элиты В.Б. Лопухин охарактеризовал военного министра как типичного военного бюрократа¹¹, что неудивительно – с 1884 до 1905 г. Редигер работал в канцелярии Военного министерства.

На первый взгляд, назначение в июле 1905 г. в условиях продолжавшейся русско-японской войны на должность военного министра администратора и ученого, а не боевого генерала выглядит нелогичным. Для сравнения – с 1898 г. военным министром был по-настоящему боевой генерал А.Н. Куропаткин, назначенный с началом войны главнокомандующим всеми вооруженными силами, действовавшими против Японии. Но здесь необходимо учитывать систему управления армией в тот момент. Военный министр не руководил непосредственно военными действиями; руководство армией в ходе войны было децентрализовано между тремя инстанциями – Советом государственной обороны во главе с великим князем Николаем Николаевичем (формально – высший орган военного руководства), Генеральным штабом, выведенным из подчинения военного министра, и собственно военным министерством. В такой ситуации за военным министром оставалось в основном решение административно-хозяйственных вопросов, или, как выразился сам А.Ф. Редигер по этому поводу, «вся хозяйственная часть»¹².

Кадровая проблема в армии являлась одной из основных, с которой столкнулся А.Ф. Редигер. А.Н. Куропаткин дал ей следующую характеристику:

Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, не выдвигались вперед, а преследовались; в мирное время они для многих начальников казались беспокойными. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди бесхарактерные, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед¹³.

Решить кадровую проблему было непросто. Военному министру полностью подчинялись только подведомственные ему учреждения, в то время как войска находились под командованием главных начальников военных округов, назначаемых царем, как правило, из числа близких к нему влиятельных лиц, включая великих князей. Формально начальники военных округов подчинялись

---

¹⁰ Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. / под общей редакцией А.Л. Паниной. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1997. Т. 1. С. 61.

¹¹ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / ответственный редактор С.В. Куликов. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. С. 144.

¹² Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 429.

¹³ Цит. по: Деникин А.И. Путь русского офицера. Москва: Современник, 1991. С. 188.

военному министру, но в реальности все зависело, по словам Редигера, от «удельного веса отдельных лиц»¹⁴. Действительно, как мог военный министр воздействовать, например, на командующего Московским военным округом великого князя Сергея Александровича? Редигер приводил в своих мемуарах характерную историю – командующий Петербургским военным округом великий князь Владимир Александрович не допустил в свой округ ревизора генерала Боронка, посланного военным министром П.С. Ванновским, который, несмотря на свое немалое влияние при дворе, ничего не мог с этим поделать¹⁵. Предшественник Редигера военный министр В.В. Сахаров даже не пытался решить эту проблему, еще более обострившуюся в годы русско-японской войны.

В итоге, по словам А.Ф. Редигера,

положение было, очевидно, не только ненормальное, но просто нетерпимое. Армия без единого управления, с высшими начальниками, зазнавшимися до того, что они доходили до прямого послушания, являлась каким-то вырождением! Но не только командующие войсками чувствовали себя сатрапами и, смотря по личности, более или менее подчинялись указаниям центральной власти, но и корпусные командиры представляли себя очень большими особами... Сознание своей независимости и вседозволенности нередко доводило старших чинов до самодурства или унижительного обращения с младшими...¹⁶

Став министром, Редигер понимал, что, начав чистку генералов, наживет себе массу врагов. Тем не менее, он осторожно проводил свою линию, исходя из простого принципа:

я сам должен был твердо стоять на почве закона и требований дела, не допуская со своей стороны никакого nepoтизма^{17,18}.

В 1906 г. А.Ф. Редигер добился создания Высшей аттестационной комиссии, которая должна была оценивать пригодность старших офицеров к занятию высших командных должностей. Очевидно, что лишь неудачи в русско-японской войне вынудили Николая II согласиться с необходимостью

---

¹⁴ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 427.

¹⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 427.

¹⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 428.

¹⁷ Отметим, что термин «nepoтизм» применительно к России начала XX в. историками практически не употребляется, так как в это время родственные и личные связи при кадровых назначениях уступали место соображениям политической лояльности правящей династии, особенно после Манифеста 17 октября 1905 г.

¹⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 431.

кадровой чистки армии. Деятельность комиссии вызвала противодействие в высших сферах и, как следствие, крайне неприязненные отношения Редигера со многими представителями высшей администрации. Тем не менее, в 1906–1908 гг. комиссия отправила в отставку 4 307 офицеров, включая 337 генералов, 711 полковников и 1 206 подполковников¹⁹. Армейский юмор назвал эту чистку «избиением младенцев»²⁰. Однако, высшие круги русской армии чистка практически не затронула – здесь Редигер был бессилён что-либо сделать. В частных разговорах с представителями комиссии III Государственной думы по государственной обороне он не раз обсуждал кадровые проблемы армии, признавал, что высшее командование было «весьма неудовлетворительно», указывал, что «ему часто приходится в этом вопросе сталкиваться с очень сильными влияниями, которые ему не всегда удается устранять»²¹.

Занимая высокую правительственную должность, А.Ф. Редигер не мог заниматься только служебными обязанностями – с 1905 г. политика активно входила в сферу деятельности любого министра. Николай II полагал, что армия должна быть вне политики, поэтому согласно утверждённой им новой редакции «Основных государственных законов Российской империи» военный министр даже не подчинялся премьер-министру. Тем не менее, полностью дистанцироваться от политики Редигер не мог – решить многочисленные проблемы развития армии без поддержки определенных политических сил было крайне проблематично. С появлением Государственной думы возникла и площадка для взаимодействия исполнительной и законодательной власти²². Идеи реформирования страны на основе соглашения с народным представительством не были чужды некоторым представителям высшей администрации, к числу которых относился и Редигер.

Летом 1905 г. в правящих кругах широко шло обсуждение планов введения Государственной думы, к которому привлекли и военного министра. Рассматривался важный вопрос: должна ли армия, прежде всего, офицерский корпус, принимать участие в выборах в Думу? Некоторые представители высшего военного командования считали это участие целесообразным, делая ставку на консервативно-монархические взгляды офицерства. Позиция Редигера по этому вопросу была иной:

---

¹⁹ Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1864–1914. С. 340.

²⁰ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 189.

²¹ Беннигсен Э.П. Записки (1875–1917). Москва: Издательство имени Сабашниковых, 2018. С. 384.

²² См.: Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: РОССПЭН, 2011.

войска должны быть чужды всякой политики и стоять вне политической агитации²³.

Он указывал на опасность втягивания офицерства в политическую борьбу ради получения их сравнительно малочисленных голосов. В ходе обсуждения на заседаниях Военного совета точка зрения военного министра получила единодушную поддержку и была реализована (в полном согласии с мнением Николая II) при разработке закона о выборах в Думу.

Считая неприемлемым для офицера заниматься политикой, А.Ф. Редигер относил это требование и к себе как министру. Он никогда не афишировал свои политические взгляды, позволив себе изложить их только в мемуарах. Будучи по убеждениям монархистом, он, тем не менее, полагал, что от самодержавия должны были исходить (как при Александре II) те реформы, «которые требовались жизнью», направленные на постепенное расширение «самодеятельности общества». Редигер не сомневался, что Россия со временем должна была обратиться в конституционное государство:

самодержец должен чувствовать себя слугой государства и, отлагая в сторону все свои личные интересы и симпатии, ставить впереди всего интересы России... Всем этим требованиям государь не удовлетворял, и я сознавал, что ввиду этого ограничение его власти было нужно²⁴.

Не следует полагать, что умеренно-либеральные взгляды А.Ф. Редигера являлись редким исключением в армейской среде. Целый ряд высших офицеров, как правило, получивших хорошую академическую подготовку, разделяли подобные идеи. Так, А.И. Деникин в своих мемуарах отмечал:

В академические годы сложилось мое политическое мировоззрение... Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это пристрастие приводило меня к трем положениям: 1) Конституционная монархия, 2) Радикальные реформы и 3) Мирные пути обновления страны. Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии²⁵.

---

²³ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 442.

²⁴ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 284.

²⁵ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 72.

Конечно, дистанцирование А.Ф. Редигера от политики в условиях революционных потрясений 1905–1907 гг. приводило к определенным проблемам. В одном из писем после Манифеста 17 октября 1905 г. он писал:

Положение первого военного министра при новом режиме трудное: я должен держаться вне политики и я все же член Кабинета. Я во внутренних делах ничего не смыслю и их знать не хочу. Почти не бываю в Совете министров – и Совет за это на меня в претензии²⁶.

Однако полностью уйти от политики было невозможно. В качестве военного министра А.Ф. Редигер принимал участие в Царскосельских совещаниях по разработке Основных государственных законов Российской империи. Когда речь зашла о 14-й статье, посвященной армии и флоту, Великий князь Николай Николаевич предложил вывести все вопросы, касающиеся государственной обороны, из ведения Государственной думы. Редигер, соглашаясь с тем, что не все военные вопросы необходимо проводить через парламент, все же полагал необходимым сохранить за Думой определенную степень влияния в этой сфере. Он подчеркивал:

Такой вопрос, как устройство государственного ополчения, несомненно, относится к государственной обороне, между тем его разрешение может последовать только в законодательном порядке²⁷.

Очевидно, что внося такие предложения, Редигер исходил из своих политических взглядов, хотя их и не афишировал.

А.Ф. Редигер приветствовал появление парламента как политического института и намеревался тесно сотрудничать с ним в рамках своих министерских полномочий. Положение от 6 августа 1905 г. о введении законосовещательной Государственной думы он считал запоздалым:

будь оно издано на один-два года раньше, то внесло бы успокоение в страну и могло расширяться и улучшаться постепенно; теперь же оно никого не удовлетворяло²⁸.

---

²⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / ответственный редактор В.В. Шелохаев. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. С. 47.

²⁷ Протоколы Царскосельских совещаний (1905–1906) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: сборник документов / автор-составитель А.В. Гоголевский. Москва: Гардарики, 2001. С. 134.

Об открытии I Государственной думы Редигер писал: «Великое событие совершилось. Перемена государственного строя России стала совершившимся фактом»²⁹.

В I Государственной думе военный министр не был ни разу, что неудивительно, учитывая короткий срок ее работы. 6 мая 1906 г., в день рождения Николая II, на приеме в Петергофе А.Ф. Редигер говорил С.А. Муромцеву: «Я стою вне политики и желаю лишь одного – делать свое дело»³⁰. Такая позиция нашла полное понимание у председателя Первой Государственной думы. В дни работы парламента к военному министру неоднократно обращались депутаты с различными ходатайствами, в основном, о смягчении приговоров и об отмене смертной казни. Сохраняя верность своему принципу находиться вне политики, Редигер неизменно отвечал, что все вопросы вне военного ведомства не входят в его компетенцию. Такой же ответ он давал и правым политическим деятелям, которые предлагали ему выступить с обращением в поддержку монархической власти и государя³¹.

Логичным следствием данной позиции стало неприятие А.Ф. Редигером использования армии для подавления революции. Военный министр с возмущением писал, что на армию смотрели «как на полицию, точно она не имела других задач, кроме восстановления и поддержания порядка в стране!»³². Действительно, размах привлечения армии к подавлению революции впечатляет. В 1905 г. для этих целей было направлено 213 рот, 1 охотничья команда, 66 эскадронов и сотен, 12 конвойных и 1 местная команда, 1 466 солдат в составе отдельных команд. В 1906 г. – 15 298 рот, 3 666 эскадронов и сотен, 15 учебных, 10 конвойных, 5 охотничьих и 10 местных команд, 83 855 солдат в составе отдельных команд. В 1907 г. войска в помощь гражданским властям выслались 9 771 раз³³. Понятно, что в таких условиях армия не могла нормально заниматься боевой подготовкой, что и вызывало недовольство военного министра. Редигер предложил сократить численность армии, создав взамен «стражу из низших чинов обязательной службы, по образцу уже существовавших жандармских дивизионов», надеясь этой мерой «спасти армию от разложения», освободив ее от несвойственных ей

---

²⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 443.

²⁹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 49.

³⁰ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 50.

³¹ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / составитель, автор вступительной статьи, комментариев и примечаний К.А. Соловьев. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 111.

³² Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 81.

³³ Шаццло К.Ф. Россия перед первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). Москва: Наука, 1974. С. 15.

обязанностей³⁴. Предложение властям понравилось, его передали для разработки в МВД, где оно со временем и было «похоронено» – полицейскому руководству оказалось проще и удобнее привлечь армию для подавления народных волнений, нежели создавать собственные военизированные силы. Остается лишь предполагать, как могла бы развиваться ситуация, если бы в февральские дни 1917 г. на улицы Петрограда для подавления уличных выступлений вышли бы не обычные воинские части, а профессиональные подразделения МВД.

Кроме того, А.Ф. Редигер выступал против практиковавшегося П.А. Столыпиным быстрого производства в военные чины жандармов и полицейских за подавление революционных выступлений, видя в этом ущемление строевых офицеров. Подобная позиция вызвала ухудшение его отношений с премьер-министром.

Неприятие А.Ф. Редигера вызывали и военно-полевые суды. Он подчеркивал, что для подавления революционного террора нужна сильная и строгая власть, но

всякая власть, раньше всего, должна уважать закон и действовать открыто, честно, принимая на себя ответственность за свои действия³⁵.

Когда в августе 1906 г. ему было поручено распространить Положение о военно-полевых судах на армию, он сумел добиться важной оговорки о том, что эти суды могут быть введены в войсках лишь в военное время.

А.Ф. Редигеру не нравилось, что П.А. Столыпин возлагал на военное ведомство ответственность за деятельность военно-полевых судов. Так, 30 апреля 1907 г. военного министра пригласили в Государственную думу для ответа на запрос о незаконных действиях одного из подобных судов. Редигер вспоминал:

Задача была неблагоприятная, – так как никакими доводами нельзя незаконное действие обратить в законное, и мне в ответ наговорили вдоволь всякой кислоты³⁶.

На заседаниях II Государственной думы А.Ф. Редигер был 4 раза. Одно из его выступлений закончилось так называемым «Зурабовским инцидентом».

---

³⁴ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 85.

³⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 81.

³⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 153.

16 апреля 1907 г. обсуждался законопроект военного министерства о величине контингента новобранцев в призыв 1907 г. С критикой проекта от социал-демократов выступил депутат А.Г. Зурабов, заявив в своей речи, что русская армия не может достойно защищать свою страну, а лишь выполняет полицейские функции:

Наша армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы вы с этих скамей не говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно воевать с нами и вас, господа, разгонят и будет всегда терпеть поражения на Востоке...³⁷

На этом месте его прервали и лишили слова. Особую остроту ситуации придавал тот факт, что Зурабов был армянином по национальности и говорил с кавказским акцентом. Разразился скандал, Редигер вместе с другими министрами демонстративно покинули зал заседаний.

Во время перерыва состоялся телефонный разговор председателя II Думы Ф.А. Головина и П.А. Столыпина. Премьер-министр сообщил, что Николай II считает оскорбленными армию и себя и требует, чтобы А.Г. Зурабов был отстранен от заседаний. Головин провел совещание по этому поводу с представителями фракций и убедился, что большинство депутатов отказались поддержать исключение Зурабова. Заседание возобновилось вечером. Председатель Думы, чтобы как-то выйти из трудного положения, объявил о том, что речь Зурабова была оскорбительна для армии и потому своей властью он лишил оратора слова, а затем неожиданно предложил Думе одобрить это его решение. Социалисты и часть трудовиков протестовали, но большинство депутатов проголосовали за предложение Головина, отмежевавшись тем самым от позиции социал-демократической фракции³⁸.

---

³⁷ П.А. Столыпин: Переписка / под редакцией П.А. Пожигайло. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 33.

³⁸ Речь А.Г. Зурабова не была экспромтом, а заранее обсуждалась в социал-демократической фракции. См.: Социал-демократические фракции I и II Государственных дум: протоколы фракционных заседаний и материалы. 1906–1907 гг. / ответственный редактор П.Ю. Савельев. Москва: РОССПЭН, 2020. С. 526–528.

Ф.А. Головин

Выступление А.Г. Зурабова было воспринято правыми как оскорбление армии и послужило основанием для инициирования вопроса о роспуске Думы. Николай II полагал, что лишение Зурабова слова и замечание ему – слишком мягкие ответные меры по сравнению с подобным поступком. В историографии традиционно считается, что основную роль в сохранении Думы сыграл в той ситуации П.А. Столыпин. Он, как и большинство членов правительства, действительно был против роспуска³⁹, однако как мемуары Ф.А. Головина, так и переписка П.А. Столыпина показывают существенную роль А.Ф. Редигера в разрешении этой ситуации.

Вечером 16 апреля 1907 г. П.А. Столыпин посоветовал Ф.А. Головину обратиться к А.Ф. Редигеру с извинением за произошедшее⁴⁰. 17 апреля в 8 утра Головин посетил военного министра, который уже в 9 часов должен был прибыть к царю, и пояснил позицию Думы по отношению к словам А.Г. Зурабова. Председатель Думы говорил, что тот не собирался оскорбить армию, а лишь неудачно высказался. Редигер сказал Головину, что «считает инцидент исчерпанным постановлением Думы и моим отношением к делу». Председатель Думы уехал от военного министра «спокойный за судьбу Думы, вполне уверенный, что доклад будет сделан Государю для Думы благоприятный»⁴¹, в чем он не ошибся. Отметим, что после визита к Николаю II Редигер заехал к председателю Думы – завез ему визитку. Бывший директор

³⁹ П.А. Столыпин глазами современников / под общей редакцией П.А. Пожигайло. Москва: РОССПЭН, 2008. С. 105–106.

⁴⁰ П.А. Столыпин: Переписка. С. 32.

⁴¹ Головин Ф.А. Воспоминания. 1870–1918. Москва: Новый хронограф, 2020. С. 460.

департамента полиции А.А. Лопухин в письме С.А. Муромцеву писал, что Редигер «остался очень доволен» своим визитом к Головину⁴².

III Государственная дума по своему составу гораздо больше подходила для сотрудничества с властью, нежели первые две. Тем не менее, определенные сложности возникали. А.Ф. Редигер вспоминал:

Положение министра в Думе было донельзя трудное: он был для Думы чужим человеком, и ему трудно было убедить ее в чем-либо, если только против этого высказывалась комиссия Думы или хотя бы несколько ее членов, пользующихся доверием Думы⁴³.

В такой ситуации для военного министра сотрудничество с думской комиссией по государственной обороне являлось безальтернативным. Вскоре после открытия III Думы 8 декабря 1907 г. А.Ф. Редигер пригласил к себе председателя комиссии А.И. Гучкова с его ближайшими соратниками (всего 12 человек), при которых можно было говорить откровенно, «не опасаясь оглашения сказанного». Военный министр изложил свою программу, недостатки военного ведомства, основные статьи расходов на нужды армии. Он поручил доверенным офицерам Генерального штаба взаимодействовать с членами комиссии по обсуждению различных военных вопросов, не составлявших государственной тайны⁴⁴. Возник своеобразный кружок, собиравшийся регулярно.

А.И. Гучков

⁴² Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 76.

⁴³ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 216.

⁴⁴ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 188.

А.И. Гучков отмечал впоследствии:

Эти собрания чрезвычайно облегчали нам дальнейшую работу и проведение законов через законодательные учреждения, т.к. давали нам такую осведомленность в деле, которая была бы невозможна в условиях работы многочленной комиссии или еще более многочленного общего собрания в Государственной думе. В этом же кружке возник ряд добрых начинаний, которые в форме законодательных предположений или пожеланий значительно продвинули дело обороны⁴⁵.

Благодаря налаженному взаимодействию III Дума, по словам А.Ф. Редигера, «широко шла навстречу всем нуждам военного ведомства»⁴⁶. Комиссия по государственной обороне тщательно изучала представления военного министра, убеждалась в их обоснованности, принимала положительное решение, чем предопределялось принятие Думой соответствующих законопроектов. А.И. Гучков называл А.Ф. Редигера умным, знающим и благородным человеком, с которым у него сложились «самые дружеские отношения»⁴⁷. Оценивая в мемуарах свое сотрудничество с парламентом, Редигер подчеркивал: «Я считал и считаю, что в отношении Думы стал в правильное положение»⁴⁸. Эта позиция военного министра нашла поддержку в среде высшего офицерства, рассчитывавшего улучшить положение дел в армии с помощью народного представительства. Так, видный русский военный деятель, генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов (в 1908–1909 гг. оберквартирмейстер Главного управления Генерального штаба) отмечал:

Без преувеличения скажу, что думская атмосфера того времени была нам более благоприятна, чем атмосфера «согласительных» комиссий из представителей Министерства финансов и Государственного контроля, через которые должны были проходить все законопроекты, связанные с отпуском новых кредитов⁴⁹.

Однако Николаю II и его окружению не нравилось слишком тесное сотрудничество военного министра с Думой. А.Ф. Редигер отмечал в мемуарах:

---

⁴⁵ Протоколы допросов П.Н. Крупенского, А.И. Гучкова и др. лиц по делу о причинах несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 32.

⁴⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 188.

⁴⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... Москва: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. С. 51.

⁴⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 189.

⁴⁹ Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки последнего периода Российской монархии. Москва: XXI век – Согласие, 2000. С. 108.

Мои хорошие отношения с Думой вскоре навлекли на меня подозрения, будто я ищущ ее поддержки и уже не являюсь вполне надежным и преданным слугой государя!⁵⁰

Неудивительно, что отставка А.Ф. Редигера оказалась напрямую связана с парламентским скандалом. 23 февраля 1909 г. А.И. Гучков произнес на заседании Думы речь, посвященную многоначалию в Военном министерстве, в которой критически высказался о четырех командующих военными округами в том смысле, что они не соответствуют своему положению, не годятся для выполнения служебных обязанностей. По сути, это был прямой выпад в адрес верховной власти, отвечавшей за подборку высшего командного состава. Присутствовавший на заседании министр финансов В.Н. Коковцов хотел ответить Гучкову, чтобы «отделаться его», но Редигер ответил сам. Военный министр признал наличие проблем с кадрами:

при выборе на любую высшую должность приходится считаться с имеющимися кандидатами на такую должность. Существенного улучшения состава начальствующих лиц можно достигнуть лишь постепенно ... для улучшения командного состава меры уже приняты, и мы в этом отношении, несомненно, идем вперед⁵¹.

Очевидно, что правые круги ждали совершенно иного ответа. Н.Е. Марков (Марков 2-ой) резко заявил, что слова военного министра оскорбительны для русской армии⁵². А.Ф. Редигер ответил на этот выпад словами о том, что военное министерство «никому очков не втирает и не заявляет, что командный состав нашей армии в настоящее время является идеальным; оно надеется этого идеала достигнуть, но оно достигает его постепенно». А.И. Гучков выступил в его поддержку, отметив, что «большим грехом старого порядка была боязнь говорить правду верховной власти в глаза» и приветствовал мужество военного министра, «признавшего наличность известных недостатков»⁵³.

Признание А.Ф. Редигером недостатков в подготовке действующего командного состава вызвало резкие нападки правой печати и недовольство в армии. Военного министра упрекали в нарушении принципа монархизма,

---

⁵⁰ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 190.

⁵¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 278.

⁵² Выступление Н.Е. Маркова было настолько неуважительным по отношению к военному министру, что после заседания председатель Думы Н.А. Хомяков спросил у А.Ф. Редигера, можно ли поместить в стенограмму «выходку Маркова». Военный министр ответил, что он «вычеркнет из стенограммы только имеющее вид служебных секретов» (См.: Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. Москва: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 1. С. 61).

⁵³ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 278.

неуважении к выбору царем своих генералов, непризнании царского авторитета. «Не прикасайтесь к армии, или она сомнет вас», – восклицала астраханская правомонархическая газета «Русская правда»⁵⁴.

Анализируя свою позицию, в мемуарах А.Ф. Редигер писал, что осознавал – такой ответ не удовлетворит государя и вызовет негодование высшего командного состава армии, но иначе поступить не мог.

Гучков был прав, указывая с тревогой на опасность, которой нам грозил плохой командный состав армии. Из-за него мы проиграли войну с Японией, и он же мог погубить нашу армию в новой войне. Во все время управления Министерством я сам вел наиболее упорную борьбу именно по вопросу об обновлении верхов армии. Меня мало интересовал вопрос, имеет ли Дума по букве закона право касаться этого вопроса, но нравственное право ее для меня было вне сомнения, так как она вполне патриотично шла навстречу всем нуждам армии, не жалея на это средств... Я поэтому не мог заявить Думе..., что вопрос этот ее не касается, и она не имеет права затрагивать его; отвечая же на этот вопрос по существу, я не мог говорить ничего иного, как правду⁵⁵.

Неудивительно, что такая позиция вызвала недовольство императора и последовавшую за этим отставку военного министра.

Отставка прошла вполне уважительно – А.Ф. Редигер получил за службу орден Александра Невского и назначение в Государственный совет. С 1906 г. он ежегодно назначался к присутствию в нем, но должность министра не позволяла ему принимать участие в работе верхней палаты парламента. Лишь после отставки Редигер сосредоточился на деятельности в Государственном совете, где его записали в Правую группу. Однако его умеренно-либеральные взгляды явно не соответствовали общим подходам членов этой группы. Редигер констатировал:

Я не принадлежал к тем крайним правым, – которые желали бы повернуть историю вспять и упразднить Думу; в Государственном совете я, вероятно, более всего подошел бы к правому центру (партии Нейдгарта), а в Думе – к умеренным правым или националистам⁵⁶.

---

⁵⁴ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. / составитель Ю.И. Кирьянов. Москва: РОССПЭН, 1998. Т. 1. С. 446.

⁵⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 279.

⁵⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 284.

В результате нередко возникали ситуации, когда Редигер голосовал не так, как правые. Впрочем, в этом отношении он не выделялся – противоречий в правой группе хватало, ее члены часто голосовали по своему усмотрению⁵⁷.

В Государственном совете А.Ф. Редигер входил в финансовую комиссию и в другие комиссии, в основном связанные с обороной и армией. Яркой роли в деятельности верхней палаты он не сыграл, добросовестно занимаясь рутинной работой, отмеченной рядом наград. Февральскую революцию Редигер не принял, сохранив верность тому строю, которому оказался не нужен. Причины революции он видел в том, что авторитет самодержавия в течение ряда лет «систематически подкапывался самим государем» неискренним отношением к «дарованной им конституции» и неудачным выбором министров. В итоге, по мнению А.Ф. Редигера, «неосторожная политика» Николая II привела к мировой войне и революции⁵⁸.

Заключение

Отставка А.Ф. Редигера явилась следствием двух взаимосвязанных обстоятельств: стремлением военного министра провести серьезные реформы в армии путем конструктивного диалога с законодательной властью и попыткой решить кадровые проблемы путем удаления неквалифицированных кадров. Первое обстоятельство вызвало подозрения в политической нелояльности военного министра, для чего не было никаких оснований, второе – ставило под сомнение всю сложившуюся кадровую политику в такой значимой для царя сфере как императорская армия. Основным кадровый принцип последнего царствования заключался в абсолютной верности монарху, из чего следовало, что любые попытки правительственного чиновника руководить на вверенном ему участке так, как он считал нужным в интересах дела, а не так, как это понималось монархом, были обречены на провал. Подобный подход, ставивший политическую лояльность выше профессиональных качеств, не мог не вызвать кадрового кризиса.

Пришедший на смену А.Ф. Редигеру генерал В.А. Сухомлинов прекрасно понимал, за что уволили его предшественника и сделал соответствующие выводы. Сотрудничество военного министерства с Думой постепенно прекратилось, Сухомлинов не собирался обсуждать с депутатами проблемы армии и пути их решения, в своих думских выступлениях он уверял, что отпускаемых военному ведомству средств вполне достаточно и что армия всем снабжена в достаточной мере⁵⁹. Депутаты, понимавшие, что в армии не все

---

⁵⁷ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906 – 1914). С. 205.

⁵⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 444.

⁵⁹ Подробнее см.: Шацлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. Москва: РОССПЭН, 2000. С. 309–317.

хорошо, были удивлены таким подходом, шедшим вразрез с позицией Редигера⁶⁰. Неудивительно, что товарищ председателя думской комиссии по государственной обороне Н.В. Савич оценил Сухомлинова как человека «ничтожного и опасного для обороны государства», который «относился безразлично к подлинному развитию военной силы»⁶¹. Даже если признать такую оценку слишком субъективной, нельзя не отметить, что отказ военного министра от сотрудничества с Думой не мог способствовать улучшению положения дел в армии накануне Первой мировой войны.

В.А. Сухомлинов не собирался решать и кадровые проблемы армии. Офицер Главного управления Генерального штаба, позднее советский военачальник, А.А. Самойло в своих воспоминаниях писал, что в этом вопросе новый военный министр руководствовался «не столько деловыми, сколько дипломатическими соображениями, светскими связями и знакомствами»⁶². Работы историков полностью подтверждают данные выводы мемуариста⁶³. В результате, как констатирует современный исследователь, к началу Февральской революции наблюдалась «бюрократическая немощь руководителей Военного министерства, командования Петроградского военного округа и местных чиновников», что было прямым следствием «выдвижения бесцветных исполнителей и карьерного роста неумелых рутинеров»⁶⁴.

А.Ф. Редигер прекрасно понимал кадровые проблемы Российской империи. В частном письме в августе 1906 г. он констатировал:

Правительство, вместо того, чтобы приостановить путаницу, происходящую во всех делах, еще более ее усугубляет бестолковыми назначениями. Большинство новых людей по всем ведомствам набирается донельзя неудачно. И наша военная среда от этого страдает... Мы идем к положительному краху всего Русского Царства. Удивительно, как государь слеп и доверчив к тому небольшому кружку своих приближенных, которые его опутали и держат в своих руках. А число недовольных все растет и растет, даже в кругах самых серьезных и благонамеренных. Уж какой я патриот, а и то ворчу, и никто не скажет, что напрасно⁶⁵.

⁶⁰ Как подчеркивал А.Ф. Редигер, при нем III Государственная дума стала «относиться с доверием к Военному министерству» (*Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 294*).

⁶¹ *Савич Н.В.* Воспоминания. Санкт-Петербург: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 91.

⁶² *Самойло А.А.* Две жизни. Москва: Воениздат, 1958. С. 77.

⁶³ См.: *Бей Е.В.* Генерал В.А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны. Москва: Центрполиграф, 2021.

⁶⁴ *Александров К.А.* Накануне Февраля: Русская Императорская армия и Верховное командование зимой 1917 года. Москва: Содружество «Посев», 2022. С. 151.

⁶⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 45.

Introduction

On the eve of the February Revolution, the supreme authority represented by the emperor and his inner circle gradually alienated from the bureaucracy and the generals who were their most important supporters, which contributed to the political crisis escalation and the rapid fall of the monarchy. According to V. Shulgin, an observant person, during the days of the Revolution in Petrograd

it was impossible to find several hundred people who would sympathize with the authorities. . . In essence, there was no single minister who would believe in himself and in what he was doing. . . The class of former rulers was coming to naught.¹

This issue (conditionally it can be designated as a personnel crisis²) has been repeatedly studied in historiography, but both Russian and foreign historians mainly considered it with regard to 1915–17, the last period of the existence of the Russian Empire. A kind of a starting point for the personnel crisis was the fact that Nicholas II assumed the post of Supreme Commander-in-Chief in August 1915. This led to the weakening of the monarch's control over the supreme bureaucracy as well as to the growing influence on the government of the country of the Empress and the so-called “dark forces” or “camarilla,” which included Grigori Rasputin, his entourage, and other similar figures.³ The degree of influence of the “dark forces” on the domestic policy of Nicholas II is a subject of heated debates in historiography, but no one

---

¹ V.V. Shulgin, *Days. 1920: Notes* [in Russian] (Moscow: Sovremennik, 1989), 173.

² A.Ya. Avrekh described this problem as “self-isolation of the dynasty from its most devoted supporters,” believing that this self-isolation “resulted from the failure of all systems and mechanisms of self-control, correlation, and orientation of the government machine” (A.Ya. Avrekh, *Tsarism on the eve of the overthrow* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1989), 245). Basically agreeing with this assessment, I would like to note that following the spirit of Soviet historiography, Avrekh proceeded from a rigidly determined Marxist approach, according to which the main role was played by the political system preconditioned by socio-economic basis rather than an individual. Within this approach, the “human factor” faded into the background – it was replaced by strict laws of historical development.

³ See I.V. Lukoyanov, “Camarilla” [in Russian], in *The First World War and the end of the Russian Empire*, vol. 1, *Political history*, ed. I.V. Lukoyanov (St Petersburg: Liki Rossii, 2014), 629–87.

doubts the thesis about the fatal influence of a large number of personnel appointments on the fall of the monarchy.

In my opinion, the personnel crisis began not in 1915 but much earlier and it should be associated with the general principles for selection and appointment of officials to the highest positions during the reign of Nicholas II rather than with Grigori Rasputin and the camarilla. To understand the personnel policy of the last reign, it is necessary to consider the activities of certain representatives of the highest officials and the reasons for their appointments and resignations. In this article, personnel policy is considered on the example of certain aspects of the administrative and political activities of Alexander Roediger (also spelt Rlödiger) who served as Minister of War of the Russian Empire from 1905 to 1909.⁴ His work as Minister for the Development of the Russian Army is not considered: this is the topic of a separate military historical study.⁵

Main body

The biography of General of Infantry Alexander Roediger is not quite typical for a military leader: he did not become famous in military campaigns, although he participated in the Russian-Turkish war of 1877–78, did not command large formations, and did not have great authority in the army.⁶ Actually, field duty took a

---

⁴ Scientific biography of Alexander Roediger has not been written yet; there is only a series of articles devoted to him. See T.V. Zaikina, “A.F. Roediger as a statesman and military leader. Sources and historiography of the problem (a brief scholarly survey)” [in Russian], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 20, no. 3 (2) (2018): 407–12; T.V. Zaikina, “The role of Minister of War A. Roediger in military reforms through the prism of his relations with the Russian state officials, political and public figures” [in Russian], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 20, no. 3 (2018): 62–66; T.V. Zaikina, “The formation of A.F. Roediger as a prominent military professional” [in Russian], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 19, no. 3 (2) (2017): 273–79.

⁵ On the general problems of the development of the Russian army in the early 20th century, see L.G. Beskrovnyi, *Russian army and navy in the early 20th century. Essays on the war-economy potential* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1986); Bruce W. Menning, *Bayonets before bullets: the Imperial Russian Army, 1861–1914* [in Russian], trans. N. Edelman, ed. O. Airapetov (Moscow: Modest Kolerov, 2015); V.N. Suryaev, *Russian imperial army on the eve and during the Great War* [in Russian] (Moscow: Russkaya panorama, Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 2015).

⁶ A. Roediger recalled that at some meetings of the Council for State Defense, military generals looked at him “as a civilian who did not know the spirit of the troops and the requirements of military service, who was appointed to the post of the Minister of War by a sad misunderstanding, whom they tried to teach and steer on the right track” (A.F. Roediger, *The story of my life. Memoirs of Minister of War* [in Russian], 2 vols., vol. 1 (Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 1999), 466.

little more than 11 years in his military career.⁷ His advance in office much more resembled a career of an administrative official as well as a scientist and teacher. According to the prominent statesman V. Gurko, Roediger – Professor of the Academy of the General Staff from 1884, author of many works on military administration, staffing and organization of the army – produced the impression of “a conscientious professor of the German make rather than a military man.”⁸ According to Sergei Witte, Roediger

represented the type of a very smart, capable, strong-willed, and energetic military general, although more of an armchair type than a combat one.⁹

A. Roediger

A similar characteristic was given to Roediger by the Moscow governor, Lieutenant General Vladimir Dzhunkovskii:

a very reasonable and efficient person, with good knowledge of the matter, a desk man, not a combatant, but of great capacity for work, not embarrassed to tell the truth.¹⁰

---

⁷ See “Extract from the record of service of a highest member of the State Council, Honored Professor, Honorary Member of the Imperial Military Academy and Honorary Member of the Conference of the same Academy,” in Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 483–99.

⁸ V.I. Gurko, *Features and silhouettes of the past: The government and the public during the reign of Nicholas II portrayed by a contemporary* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000), 478.

⁹ S.Yu. Witte, *Memoirs* [in Russian], 3 vols., vol. 3, ed. A.L. Sidorov (Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1960), 496.

V. Lopukhin, a representative of the supreme administrative elite, described the Minister of War as a typical military bureaucrat,¹¹ which is not surprising: from 1884 to 1905, Roediger worked in the office of the Ministry of War.

At first glance, it looks illogical that in July 1905, in the context of the ongoing Russo-Japanese War, an administrator and scientist and not a combat general was appointed to the post of the Minister of War. For comparison, from 1898, the post of the Minister of War was held by A. Kuropatkin, a true combat general, who was appointed Commander-in-Chief of all armed forces operating against Japan after the outbreak of the war. But here it is necessary to take into account the army management system at that moment. The Minister of War was not in charge of military operations directly; management of the army during the war was decentralized between three establishments: the Council for State Defense headed by Grand Duke Nikolas Nikolaevich of Russian (formally, the highest body of military authorities); the General Staff, which was removed from the subordination of the Minister of War; and the Ministry of War itself. In such a situation, the Minister of War was mainly in charge of resolving administrative and economic issues, or, as A. Roediger himself put it, “the entire economic side.”¹²

The personnel problem in the army was one of the main problems that A. Roediger faced. A. Kuropatkin described it as follows:

People of strong character, independent people, unfortunately, were not promoted but persecuted; in peacetime, they seemed restless to many commanding officers. As a result, such people often left the service. On the contrary, characterless people, those without convictions, but complaisant and always ready to agree with the opinion of their commanding officers in everything, were moved forward.¹³

It was not easy to solve the personnel problem. Only the institutions subordinate to the Minister of War were completely under his authority, while the troops were under the command of the military district chief commanders appointed by the tsar, as a rule, from among influential persons close to him, including the grand dukes. Formally, the military district chief commanders were subordinate to the Minister of War, but in reality, everything depended, according to Roediger, on the “specific

---

¹⁰ V.F. Dzhunkovskii, *Memoirs* [in Russian], 2 vols., vol. 1, ed. A.L. Panina (Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh, 1997), 61.

¹¹ V.B. Lopukhin, *Notes of the former head of the department at the Ministry of Foreign Affairs* [in Russian], ed. S.V. Kulikov (St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008), 144.

¹² Roediger, *The story of my life*, vol. 1, 429.

¹³ Cited in A.I. Denikin, *The Career of a tsarist officer* [in Russian] (Moscow: Sovremennik, 1991), 188.

weight of certain individuals.”¹⁴ Indeed, how could the Minister of War influence, for example, the commander of the Moscow Military District Grand Duke Sergei Alexandrovich of Russia? Roediger cited a characteristic story in his memoirs: Commander of the St Petersburg Military District Grand Duke Vladimir Alexandrovich of Russia did not allow into his district the auditor, General Boronok sent by Minister of War P. Vannovskii. Despite his considerable influence at court, the latter could not do anything about it.¹⁵ Roediger’s predecessor, Minister of War V. Sakharov did not even try to solve this problem, which became even more aggravated during the years of the Russo-Japanese War.

As a result, according to Roediger,

The situation was obviously not only abnormal but simply intolerable. The army without a single command, with highest officers who were arrogant to the point of direct disobedience, was some kind of degenerate! Not only did the troop commanders felt like satraps and depending on their personality, more or less obeyed the instructions of the central authority, but the corps commanders also presented themselves as high rankers. . . The consciousness of their independence and permissiveness often brought senior officers to tyranny or humiliating the juniors. . .¹⁶

On become a minister, Roediger understood that by starting a purge of the generals, he would make a lot of enemies for himself. However, he cautiously pursued his own line, based on a simple principle:

I had to stand firmly on the basis of the law and the demands of the case myself, not allowing any nepotism¹⁷ on my part.¹⁸

In 1906, Alexander Roediger managed to push through the establishment of the Higher Attestation Commission, which was supposed to evaluate the suitability of senior officers for high command positions. It is obvious that only the failures in the Russo-Japanese War forced Nicholas II to agree with the need for a personnel purge in the army. The activities of the commission caused opposition in the higher spheres and, as a result, extremely hostile relations between Roediger and many

---

¹⁴ Roediger, *The story of my life*, vol. 1, 427.

¹⁵ Roediger, *The story of my life*, vol. 1, 427.

¹⁶ Roediger, *The story of my life*, vol. 1, 428.

¹⁷ It should be noted that historians hardly ever use the term “nepotism” with regard to Russia of the early 20th century because at that time family and personal relations in personnel appointments gave way to considerations of political loyalty to the ruling dynasty, especially after the 1905 October Manifesto.

¹⁸ Roediger, *The story of my life*, vol. 1, 431.

representatives of the highest administration. However, in 1906–08, the commission retired 4 307 officers, including 337 generals, 711 colonels, and 1 206 lieutenant colonels.¹⁹ Army humor referred to this purge as the Massacre of the Innocents.²⁰ However, the purge practically did not affect the highest circles of the Russian army: Roediger was powerless to do anything about that. In private conversations with representatives of the Third State Duma State Defense Commission, he repeatedly discussed the personnel problems in the army, admitted that the Higher Command was “very unsatisfactory,” and pointed out that “he often had to deal with very strong influences in this matter that he did not always manage to eliminate.”²¹

Occupying a high position in government, Roediger could not be engaged in official duties only – from 1905, politics was actively entering in the sphere of activities of any minister. Nicholas II believed that the army should be outside politics. Therefore, according to the new edition of the *Fundamental Laws of the Russian Empire* approved by him, the Minister of War did not even report to the Prime Minister. Nevertheless, Roediger could not completely distance himself from politics – it was extremely problematic to solve numerous problems of the army development without the support of certain political forces. With the establishment of the State Duma, a platform for interaction between the executive and legislative authorities appeared.²² The ideas of reforming the country on the basis of an agreement with the people’s representation were not alien to some representatives of the highest administration including Roediger.

In the summer of 1905, plans for the introduction of the State Duma were widely discussed in the ruling circles and the Minister of War was also involved in the discussion. An important question was considered whether the army – the officer corps in the first place – should take part in the elections to the Duma. Some representatives of the Higher Command considered their participation reasonable, relying on the conservative monarchist views of the officers. Roediger’s view on this issue was different:

The troops must be alien to any politics and stay out of political agitation.²³

He pointed out the danger of officers being drawn into the political struggle for the sake of obtaining their comparatively small number of votes. During the

---

¹⁹ Menning, *Bayonets before bullets*, 340.

²⁰ Denikin, *The Career of a tsarist officer*, 189.

²¹ E.P. Bennigsen, *Notes (1875–1917)* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 2018), 384.

²² See K.A. Solov'ev, *Legislative and executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906–1914)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2011).

²³ Roediger, *The story of my life*, vol. 1, 442.

discussion at the meetings of the Military Council, the point of view of the Minister of War received unanimous support and was implemented (in full agreement with the opinion of Nicholas II) in the development of the law on elections to the Duma.

Considering it unacceptable for an officer to engage in politics, Roediger applied this requirement to himself as a minister. He never went public about his political views and allowed himself to state them only in his memoirs. Being a monarchist by conviction, he nonetheless believed that the autocracy (as it did under Alexander II) should initiate the reforms “required by life” and aimed at the gradual expansion of the “initiatives of society.” Roediger had no doubt that Russia eventually had to turn into a constitutional state:

The autocrat should feel like a servant of the state and putting aside all his personal interests and sympathies, put the interests of Russia above everything. . . The sovereign did not satisfy all these requirements, and I realized that in view of this, the restriction of his power was necessary.²⁴

It should not be assumed that Roediger’s moderately liberal views were a rare exception in the military environment. A number of senior officers, usually those who received a good academic training, shared similar ideas. For instance, A. Denikin noted in his memoirs:

My political outlook was formed during my academic years. . . I accepted Russian liberalism in its ideological essence, without any party dogmatism. In broad generalization, this acceptance led me to three theses: (1) constitutional monarchy, (2) radical reforms and (3) peaceful ways of renewing the country. I carried this worldview inviolably until the Revolution of 1917, without taking an active part in politics but devoting all my strength and labor to the army.²⁵

Of course, Roediger’s distancing from politics in the conditions of revolutionary upheavals of 1905–07 led to certain problems. In a letter after the Manifesto of October 17, 1905, he wrote:

The position of the first Minister of War under the new regime is difficult: I must stay out of politics and I am still a member of the Cabinet. I do not know anything about internal affairs and I do not want to know them. I hardly ever attend the Council of Ministers – and the Council has no complaints about this to me.²⁶

---

²⁴ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 284.

²⁵ Denikin, *The Career of a tsarist officer*, 72.

²⁶ V.V. Shelokhaev, ed., *Representative institutions of the Russian Empire in 1906–1917: Materials of perustration by the Police Department* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014), 47.

However, it was impossible to stay out of politics completely. As Minister of War, Roediger took part in the Tsarskoye Selo meetings on the development of the Fundamental Laws of the Russian Empire. When it came to Article 14 dedicated to the army and navy, Grand Duke Nikolai Nikolaevich proposed to remove all issues related to national defense from the jurisdiction of the State Duma. While agreeing that not all military issues needed to be passed through the parliament, Roediger nevertheless considered it necessary to reserve a certain degree of influence in this sphere for the Duma. He emphasized:

Such an issue as organization of the state militia undoubtedly relates to state defense; meanwhile, it can be authorized only by legislative procedure.²⁷

Obviously, in making such proposals, Roediger proceeded from his political views, although he did not go public about them.

Roediger welcomed the emergence of the parliament as a political institution and intended to closely cooperate with it within his ministerial powers. He considered the provision of August 6, 1905 on the introduction of the advisory legislative State Duma belated:

Had it been published a year or two earlier, it would have brought calm to the country and could have expanded and improved gradually; now it satisfies no one.²⁸

Roediger wrote about the opening of the First State Duma, “A great event has happened. The change in the political system of Russia has become an accomplished fact.”²⁹

The Minister of War had never attended the First State Duma, which is not surprising, given the short period of its work. On May 6, 1906, the birthday of Nicholas II, at a reception in Peterhof, A. Roediger said to S. Muromtsev, “I stay out of politics and wish only one thing – to do my job.”³⁰ This position was fully understood by the Chairman of the First State Duma. During the working days of the parliament, deputies repeatedly addressed the Minister of War with various petitions, mainly for commutation of sentences and the abolition of the death penalty. True to his principle of staying out of politics, Roediger invariably replied that all matters outside the Military Department were not within his competence. He gave the same

---

²⁷ “Minutes of the Tsarskoye Selo meetings (1905–1906)” [in Russian], in A.V. Gogolevskii, comp., *Russian constitutionalism: From autocracy to constitutional parliamentary monarchy: Collected documents* (Moscow: Gardariki, 2001), 134.

²⁸ Roediger, *The story of my life*, vol. 1, 443.

²⁹ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 49.

³⁰ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 50.

answer to right-wing politicians who suggested that he make an appeal in support of the monarchical government and the tsar.³¹

A logical consequence of this position was unacceptance by Roediger of using the army to suppress the revolution. The Minister of War wrote indignantly that the army was viewed “as if it were the police, as if it had no other tasks than to restore and maintain order in the country!”³² Indeed, the scope of the involvement of the army in the suppression of the revolution is impressive. In 1905, 213 companies, 1 hunting team, 66 squadrons and Cossack squadrons, 12 escorts and 1 local team, and 1 466 soldiers in separate teams were assigned for these purposes; in 1906, 15 298 companies, 3 666 squadrons and Cossack squadrons, 15 training teams, 10 escort teams, 5 hunting and 10 local teams, 83 855 soldiers in separate team. In 1907, troops were sent to assist the civil authorities 9 771 times.³³ It is clear that in such conditions the army could not normally engage in combat training, which was what displeased the Minister of War. Roediger proposed to reduce the size of the army and to form instead “guards from the lower ranks of obligatory service on the pattern of the already existing gendarmerie divisions.” By this measure, he hoped “to save the army from decay” by relieving it from the duties that were unusual for it.³⁴ The authorities liked the proposal; it was handed over to the Ministry of Internal Affairs for further development, where it was “buried” over time: the police leadership found it to be easier and more convenient to involve the army to suppress unrest than to create their own paramilitary forces. One can only guess how the events would have unfolded if instead of regular military units, professional units of the Ministry of Internal Affairs had gone to the streets of Petrograd to suppress street protests in the February days of 1917.

In addition, A. Roediger opposed quick promotion of gendarmes and police officers to the military ranks for the suppression of revolutionary uprisings practiced by Stolypin, seeing this as an infringement on military officers. This position caused deterioration in his relationship with the Prime Minister.

Roediger also did not accept field courts-martial. He emphasized that strong and strict power was needed to suppress revolutionary terror, but

First of all, any power must respect the law and act openly and honestly, taking full responsibility for its actions.³⁵

---

³¹ A.A. Kireev, *The diary. 1905–1910* [in Russian], comp. K.A. Solov'ev (Moscow: ROSSPEN, 2010), 111.

³² Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 81.

³³ K.F. Shatsillo, *Russia before the First World War (Armed forces of tsarism in 1905–1914)* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1974), 15.

³⁴ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 85.

³⁵ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 81.

When in August 1906 he was instructed to extend the Regulations on Field Courts-Martial to the army, he managed to add an important stipulation: these courts could be introduced in the troops in wartime only.

Roediger did not like Stolypin making the Military Department responsible for the activities of field courts-martial. On April 30, 1907, the Minister of War was invited to the State Duma to answer an enquiry about the illegal actions of one of these courts. Roediger recalled:

The task was unrewarding, since no arguments can turn an illegal action into a legal one, and in response they told me plenty of sour words.³⁶

Roediger attended the sessions of the Second State Duma four times. One of his speeches ended with the so-called Zurabov Incident. On April 16, 1907, the draft law of the Ministry of War on the size of the contingent of recruits for the 1907 conscription was discussed. Deputy A. Zurabov criticized the project on behalf of the Social Democrats. In his speech he stated that that the Russian army could not adequately defend its country but only performed police functions:

Our army in an autocratic state will never be adapted, no matter how much you say from these benches for the purposes of external defense that such an army will fight superbly with us, and you, gentlemen, will be dispersed, and it will always suffer defeats in the East. . .³⁷

At this point he was interrupted and denied his right to speak. The fact that Zurabov was an Armenian by nationality and spoke with a Caucasian accent made the situation particularly acute. A scandal erupted; Roediger left the meeting room in an emphatic manner together with other ministers.

During the break, a telephone conversation took place between Chairman of the Second Duma F. Golovin, and P. Stolypin. The Prime Minister said that Nicholas II considered the army and himself insulted and demanded that Zurabov be banned from the meetings. Golovin held a conference on this issue with the representatives of the factions and found out that the majority of the deputies refused to support Zurabov's expulsion. The meeting was resumed in the evening. In order to get out of a difficult situation somehow, the Chairman of the Duma announced that Zurabov's speech was offensive to the army, and therefore, with his power, he denied the speaker the right to speak, and then, unexpectedly, he invited the Duma to approve

---

³⁶ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 153.

³⁷ P.A. Pozhigailo, ed., *P.A. Stolypin: Correspondence* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN 2004), 33.

his decision. The Socialists and some members of the Labor Party protested, but the majority of the deputies voted in favor of Golovin's proposal, thereby dissociating themselves from the position of the Social Democratic faction.³⁸

F. Golovin

A. Zurabov's speech was perceived by the right-wingers as an insult to the army and served as the basis for initiating the issue of dissolution of the Duma. Nicholas II believed that to deny Zurabov the right to speak and reprimand him were too mild response measures to such an act. In historiography, it is traditionally believed that the main role in the preservation of the Duma in that situation was played by P. Stolypin. Like the majority of the government members, he was actually against the dissolution.³⁹ However, both Golovin's memoirs and Stolypin's correspondence show that Roediger played an essential role in that situation.

On the evening of April 16, 1907, Stolypin advised Golovin to contact Roediger with apologies for what had happened.⁴⁰ At 8 a.m. on April 17, Golovin visited the Minister of War, who was supposed to see the Tsar at 9 a.m., and explained the position of the Duma on Zurabov's words. The Chairman of the Duma said that Zurabov did not intend to offend the army but it was only a bad choice of words on his part. Roediger told Golovin that he "considered the incident closed by decision of the Duma and my attitude to the matter." The Chairman of the Duma left the Minister

---

³⁸ A. Zurabov's speech was not impromptu. It was discussed in advance in the Social Democratic faction. See P.Yu. Savel'ev, ed., *Social democratic factions of the First and the Second State Dumas: Minutes of factional meetings and materials. 1906–1907* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2020), 526–28.

³⁹ P.A. Pozhigailo, ed., *P.A. Stolypin through the eyes of his contemporaries* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2008), 105–06.

⁴⁰ Pozhigailo, *P.A. Stolypin: Correspondence*, 32.

of War “calm about the fate of the Duma, quite confident that the report to the Tsar would be favorable for the Duma,”⁴¹ and he was not mistaken in that. It should be noted that after a visit to Nicholas II, Roediger made a stop at the place of the Chairman of the Duma and brought him a *carte de visite*. In his letter to S. Muromtsev, A. Lopukhin, the former director of the Police Department, wrote that Roediger “remained very pleased” with his visit to Golovin.⁴²

The composition of the Third State Duma was much more suitable for cooperation with the authorities than the first two dumas. However, certain difficulties arose. A. Roediger recalled:

The situation of a minister in the Duma was extremely difficult: he was a stranger to the Duma, and it was difficult for him to convince it of anything if a Duma commission or at least a few of its members who enjoyed the Duma’s confidence spoke out against it.⁴³

In such a situation, cooperation with the Duma State Defense Commission was a single option for the Minister of War. Shortly after the opening of the Third Duma on December 8, 1907, Roediger invited Chairman of the Commission A. Guchkov and his closest associates (12 persons in total) in front of whom it was possible to speak frankly, “without fear of announcing what was said.” The Minister of War outlined his program, the shortcomings of the Military Department, and the main items of expenditure for the needs of the army. He instructed the trusted officers of the General Staff to interact with the members of the Commission in order to discuss various military affairs that were not state secrets.⁴⁴ So, a circle emerged that met regularly.

---

⁴¹ F.A. Golovin, *Memoirs. 1870–1918* [in Russian] (Moscow: Novyi khronograf, 2020), 460.

⁴² Shelokhaev, *Representative institutions of the Russian Empire*, 76.

⁴³ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 216.

⁴⁴ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 188.

A. Guchkov

Later, Guchkov wrote:

These meetings greatly facilitated our further work and putting laws through legislative institutions because they provided us with such awareness of the matter that would have been impossible under the conditions of the work of a crowded commission or an even more crowded general meeting in the State Duma. In that same circle, a number of good initiatives emerged, which significantly advanced the cause of defense in the form of legislative proposals or wishes.⁴⁵

Thanks to the well-established interaction, the Third Duma, according to Alexander Roediger, “met all the needs of the Military Department.”⁴⁶ The State Defense Commission carefully studied the proposals submitted by the Minister of War, made sure of their validity, and made a positive decision, which predetermined the adoption of the corresponding draft laws by the Duma. A. Guchkov called A. Roediger an intelligent, knowledgeable, and noble person, with whom he developed “most friendly relations.”⁴⁷ Assessing his cooperation with the parliament in his memoirs, Roediger emphasized, “I believed and still believe that regarding the

---

⁴⁵ Protokoly doprosov P.N. Krupenskogo, A.I. Guchkova i dr. lits po delu o prichinakh nesvoevremennogo i nedostatochnogo popolneniya zapasov voennogo snabzheniya armii [Transcripts of interrogation of P.N. Krupensky, A.I. Guchkov and other persons in the case of the causes of untimely and insufficient replenishment of military supplies for the army]. F. 1467, op. 1, d. 737, l. 32. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

⁴⁶ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 188.

⁴⁷ *Alexander I. Guchkov tells us...* [in Russian] (Moscow: TOO Redaktsiya zhurnala “Voprosy istorii”, 1993), 51.

Duma, I took the right position.”⁴⁸ This position of the Minister of War found support among the senior officers who hoped to improve the state of affairs in the army with the help of people’s representation. For instance, General of Infantry Yu. Danilov, a prominent Russian military leader (Quartermaster general of the Main Directorate of the General Staff in 1908–1909) noted:

I can say without exaggeration that the Duma atmosphere of that time was more favorable to us than the atmosphere of the “conciliation” commissions that included representatives of the Ministry of Finance and State Control, which had to consider all draft laws regarding the release of new loans.⁴⁹

However, Nicholas II and his entourage did not like close cooperation between the Minister of War and the Duma. A. Roediger noted in his memoirs:

My good relations with the Duma soon drew suspicion upon me that I was seeking its support and was no longer a completely reliable and devoted servant of the sovereign!⁵⁰

It is not surprising that Roediger’s resignation was directly connected with a parliamentary scandal. At the meeting of the Duma on February 23, 1909, A. Guchkov made a speech on multiple authority in the Ministry of War, in which he criticized four military district commanders implying that they did not correspond to their positions and were not suitable for the performance of official duties. In fact, it was a direct attack on the supreme authority, which was responsible for the selection of senior officers. Minister of Finance V. Kokovtsov wanted to retort Guchkov in order to “beat him up,” but Roediger answered himself. The Minister of War acknowledged the existence of personnel problems:

When choosing a candidate for any higher position, one has to consider the candidates available. A significant improvement in the composition of commanding officers can be achieved only gradually. . . measures have already been taken to improve the command personnel, and we are undoubtedly moving forward in this respect.⁵¹

---

⁴⁸ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 189.

⁴⁹ Yu.N. Danilov, *On the way to collapse: Essays on the last period of the Russian monarchy* [in Russian] (Moscow: XXI vek – Soglasie, 2000), 108.

⁵⁰ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 190.

⁵¹ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 278.

It is obvious that epy right-wing circles were expecting a completely different answer. Nikolai Markov (Markov II) sharply stated that the words of the Minister of War were offensive to the Russian army.⁵² Roediger responded that the Ministry of War “did not dust anyone’s eyes and did not declare that the command personnel of the army were ideal at the moment; it hopes to achieve this ideal, but it reaches it gradually.” Guchkov supported him, noting that “fear of telling the truth to the face of the supreme authority was a great sin of the old order” and welcomed the courage of the Minister of War “who recognized the presence of certain shortcomings.”⁵³

Alexander Roediger’s recognition of shortcomings in the training of the current command personnel caused sharp attacks by the right-wing press and discontent in the army. The Minister of War was rebuked for violating the principle of monarchism, disrespect for the Tsar’s choice of his generals, and non-recognition of tsarist authority. “Do not touch the army, or it will crush you,” exclaimed the *Russkaya Pravda*, an Astrakhan right-wing monarchist newspaper.⁵⁴

Analyzing his position, Alexander Roediger wrote in his memoirs that he was aware that such an answer would not satisfy the sovereign and would arouse indignation of the Higher Command of the army, but he could not do otherwise.

Guchkov was right in anxiously pointing out the danger posed by bad command personnel of the army. Because of it, we lost the war with Japan, and it could destroy our army in a new war. During the entire time I was in charge of the Ministry, I fought a good battle for the issue of renewing the Higher Command of the army. It was of little interest to me whether the Duma had the right to deal with this issue by the letter of the law, but its moral right for me was beyond doubt, since it quite patriotically met all the needs of the army, sparing no means for this. . . . Therefore, I could not say to the Duma. . . that this issue does not concern it and it had no right to touch on it; answering this question to the point, I could not say anything other than the truth.⁵⁵

It is not surprising that such a position caused the Emperor’s displeasure and the subsequent resignation of the Minister of War.

---

⁵² N. Markov’s speech was so disrespectful towards the Minister of War that after the meeting Chairman of the Duma N. Khomyakov asked Roediger whether it was possible to put “Markov’s misbehavior” into the transcript. The Minister of War replied that he would “cross out from the transcript only what looked like official secret” (See A.A. Polivanov, *From diaries and memoirs on the post of Minister of War and his assistant. 1907–1916* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet, 1924), 61.

⁵³ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 278.

⁵⁴ Yu.I. Kir'yanov, comp., *Right-wing parties. 1905–1917. Documents and materials* [in Russian], 2 vols. (Moscow: ROSSPEN, 1998), vol. 1, 446.

⁵⁵ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 279.

The resignation was quite respectful: A. Roediger was awarded the Order of Alexander Nevsky for his service and was appointed to the State Council. From 1906, he was annually appointed to be present in it, but the position of minister did not allow him to take part in the work of the upper chamber of the parliament. Only after his resignation, Roediger focused on the activities in the State Council, where he was enlisted in the right-wing group. However, his moderately liberal views did not correspond to the general approaches of the members of this group. Roediger stated:

I did not belong to those extreme right-wingers who would like to reverse history and abolish the Duma; in the State Council, I would probably most of all suit the center right-wingers (Neidgardt's party), and in the Duma, to the moderate right-wingers or nationalists.⁵⁶

As a result, Roediger often voted differently from the right-wingers. However, he did not stand out in this regard: there were enough contradictions in the right-wing group and its members often voted at their own discretion.⁵⁷

In the State Council, Roediger was a member of the Finance Commission and other commissions, mainly related to the defense and the army. He did not play a prominent role in the work of the upper chamber, scrupulously doing routine work, which was marked by a number of awards. Roediger rejected the February Revolution, remaining faithful to the system, which did not need him. He saw the causes of the revolution in the fact that for several years, the authority of the autocracy had been “systematically undermined by the sovereign himself” by an insincere attitude towards “the constitution granted by him” and by unsuccessful choice of ministers. As a result, according to Roediger, “imprudent policy” of Nicholas II led to the world war and the revolution.⁵⁸

Conclusion

Resignation of Alexander Roediger was the result of two interrelated circumstances: the desire of the Minister of War to carry out serious reforms in the army by means of a constructive dialogue with the legislative authority and an attempt to solve personnel problems by removing unqualified personnel. The first circumstance aroused suspicions of political disloyalty of the Minister of War, for which there were no grounds; the second one called into question the entire established personnel policy in such a significant area for the tsar as the imperial army. The main personnel principle of the last reign consisted in absolute loyalty to

---

⁵⁶ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 284.

⁵⁷ Solov'ev, *Legislative and executive power in Russia*, 205.

⁵⁸ Roediger, *The story of my life*, vol. 2, 444.

the monarch. It implied that any attempts of a government official to manage his sphere as he deemed necessary in the interests of the cause rather than as it was understood by the monarch were doomed to fail. Such an approach, which put political loyalty above professional qualities, could not but cause a personnel crisis.

General V. Sukhomlinov, who replaced A. Roediger, understood perfectly well why his predecessor was fired and made the appropriate conclusions. The cooperation between the Ministry of War and the Duma gradually ceased to exist; Sukhomlinov was not going to discuss the problems of the army and ways to solve them with the deputies. In his Duma speeches, he assured that the funds allocated to the Military Department were quite enough and that the army was adequately supplied with everything.⁵⁹ The deputies, who understood that not everything was good in the army, were surprised by that approach, which ran counter to the position of Roediger.⁶⁰ It is not surprising that N. Savich, deputy head of the Duma commission for state defense, described Sukhomlinov as a person who was “worthless and dangerous for the defense of the state” and was “indifferent to the true development of military power.”⁶¹ Even if we recognize this assessment as too subjective, it should be noted that the Minister of War’s refusal to cooperate with the Duma could not help improve the state of affairs in the army on the eve of the First World War.

V. Sukhomlinov was not going to solve the personnel problems of the army either. A. Samoilo, an officer of the Main Directorate of the General Staff, later a Soviet commander, wrote in his memoirs that the new Minister of War was guided in this issue “not so much by the interests of the cause as by diplomatic considerations, social relations and acquaintances.”⁶² The works of historians fully confirm these conclusions of the memoirist.⁶³ As a result, as a modern researcher points out, the beginning of the February Revolution saw “bureaucratic weakness of the leaders of the Ministry of War, the command personnel of the Petrograd Military District, and local officials,” which was a direct consequence of “promoting dull executors and career advance of inept routiners.”⁶⁴

---

⁵⁹ For more details, see K.F. Shatsillo, *From the Treaty of Portsmouth to the First World War. Generals and Politics* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2000), 309–17.

⁶⁰ A. Roediger emphasized that when he was in office, the Third State Duma began to “treat the Ministry of War with confidence” (Roediger, *The story of my life. Memoirs of the Minister of War*, vol. 2, 294).

⁶¹ N.V. Savich, *Memoirs* [in Russian] (St Petersburg: Logos; Dusseldorf: Goluboi vsadnik, 1993), 91.

⁶² A.A. Samoilo, *Two lives* [in Russian] (Moscow: Voenizdat, 1958), 77.

⁶³ See E.V. Bei, *General V.A. Sukhomlinov. Minister of War during era of the Great War* [in Russian] (Moscow: Tsentrpoligraf, 2021).

⁶⁴ K.A. Aleksandrov, *On the eve of February: The Russian Imperial Army and the High Command in the winter of 1917* [in Russian] (Moscow: Sodruzhestvo “Posev”, 2022), 151.

Alexander Roediger was well aware of the personnel problems of the Russian Empire. In a private letter dated August 1906, he stated:

Instead of stopping the confusion that occurs in all affairs, the government exacerbates it even more by stupid appointments. The majority of new employees in all departments are chosen utterly unsuccessfully. And our military sphere suffers from that. . . We are heading towards the absolute collapse of the Tsardom of Russia. It is surprising how the sovereign is blind and trusts that small circle in his entourages who entangled him and hold him in their hands. And the number of those who are dissatisfied is growing and growing, even among the most serious and loyal circles. Being a patriot as I am, even I grumble and no one would say that for no reason.⁶⁵

Список литературы

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения / ответственный редактор А.М. Анфимов. Москва: Наука, 1989. 256 с.

Александр Иванович Гучков рассказывает... Москва: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 144 с.

Александров К.А. Накануне Февраля: Русская Императорская армия и Верховное командование зимой 1917 года. Москва: Содружество «Посев», 2022. 272 с.

Бей Е.В. Генерал В.А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны. Москва: Центрполиграф, 2021. 318 с.

Беннигсен Э.П. Записки (1875–1917) / составитель А.Г. Римский-Корсаков. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 2018. 816 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. Москва: Наука, 1986. 239 с.

Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. / под общей редакцией А.Л. Сидорова. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 3. 724 с.

Головин Ф.А. Воспоминания. 1870–1918 / составители А.К. Афанасьев, М.А. Горячева. Москва: Новый хронограф, 2020. 640 с.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки последнего периода Российской монархии. Москва: XXI век – Согласие, 2000. 400 с.

Деникин А.И. Путь русского офицера. Москва: Современник, 1991. 300 с.

Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. / под общей редакцией А.Л. Паниной. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1997. Т. 1. 736 с.

Зайкина Т.В. А.Ф. Редигер как государственный и военный деятель. Источники и историография проблемы (краткий научный обзор) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 407–412.

⁶⁵ Shelokhaev, *Representative institutions of the Russian Empire*, 45.

Зайкина Т.В. Роль военного министра А.Ф. Редигера в проведении военных реформ сквозь призму его взаимоотношений с российскими государственными, политическими и общественными деятелями // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3. С. 62–66.

Зайкина Т.В. Становление А.Ф. Редигера как крупного военного профессионала // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 273–279.

Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / составитель, автор вступительной статьи, комментариев и примечаний К.А. Соловьев. Москва: РОССПЭН, 2010. 472 с.

Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / ответственный редактор С.В. Куликов. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. 540 с.

Лукоянов И.В. Камарилья // Первая мировая война и конец Российской империи: в 3 т. Т. 1. Политическая история / ответственный редактор И.В. Лукоянов. Санкт-Петербург: Лики России, 2014. С. 629–687.

Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1864–1914 / авторизованный перевод с английского Н. Эдельмана; под научной редакцией О. Айрапетова. Москва: Модест Колеров, 2015. 424 с.

П.А. Столыпин глазами современников / под общей редакцией П.А. Пожигайло. Москва: РОССПЭН, 2008. 367 с.

П.А. Столыпин: Переписка / под редакцией П.А. Пожигайло. Москва: РОССПЭН, 2004. 704 с.

Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. Москва: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 1. 240 с.

Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. / составитель Ю.И. Кирьянов. Москва: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 720 с.

Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / ответственный редактор В.В. Шелохаев. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 718 с.

Протоколы Царскосельских совещаний (1905–1906) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: сборник документов / автор-составитель А.В. Гоголевский. Москва: Гардарики, 2001. С. 39–162.

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999.

Савич Н.В. Воспоминания. Санкт-Петербург: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 490 с.

Самойло А.А. Две жизни. Москва: Воениздат, 1958. 276 с.

Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: РОССПЭН, 2011. 511 с.

Социал-демократические фракции I и II Государственных дум: протоколы фракционных заседаний и материалы. 1906–1907 гг. / ответственный редактор П.Ю. Савельев. Москва: РОССПЭН, 2020. 1087 с.

Суряев В.Н. Русская императорская армия накануне и в годы Великой войны. Москва: Русская панорама, Русское историческое общество, 2015. 384 с.

Шаццлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. Москва: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Шаццлло К.Ф. Россия перед первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). Москва: Наука, 1974. 112 с.

Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. Москва: Современник, 1989. 559 с.

References

Aleksandr Ivanovich Guchkov rasskazyvaet... [Alexander I. Guchkov tells us...]. Moscow: TOO Redaktsiya zhurnala “Voprosy istorii,” 1993. (In Russian)

Aleksandrov, K.A. *Nakanune Fevralya: Russkaya Imperatorskaya armiya i Verkhovnoe komandovanie zimoi 1917 goda* [On the eve of February: The Russian Imperial Army and the High Command in the winter of 1917]. Moscow: Sodruzhestvo “Posev,” 2022. (In Russian)

Avrekh, A.Ya. *Tsarizm nakanune sverzheniya* [Tsarism on the eve of the overthrow]. Edited by A.M. Anfimov. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)

Bei, E.V. *General V.A. Sukhomlinov. Voennyi ministr epokhi Velikoi voiny* [General V.A. Sukhomlinov. Minister of War during the era of the Great War]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2021. (In Russian)

Bennigsen, E.P. *Zapiski (1875–1917)* [Notes (1875–1917)]. Compiled by A.G. Rimskii-Korsakov. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 2018. (In Russian)

Beskrovnyi, L.G. *Russkaya armiya i flot Rossii v nachale XX v. Ocherki voenno-ekonomicheskogo potentsiala* [Russian army and navy in the early 20th century. Essays on the war-economy potential]. Moscow: Nauka, 1986. (In Russian)

Danilov, Yu.N. *Na puti k krusheniyu: Ocherki poslednego perioda Rossiiskoi monarkhii* [On the way to collapse: Essays on the last period of the Russian monarchy]. Moscow: XXI vek – Soglasie, 2000. (In Russian)

Denikin, A.I. *Put' russkogo ofitsera* [The Career of a tsarist officer]. Moscow: Sovremennik, 1991. (In Russian)

Dzhunkovskii, V.F. *Vospominaniya* [Memoirs], 2 vols., edited by A.L. Panina, vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1997. (In Russian)

Golovin, F.A. *Vospominaniya. 1870–1918* [Memoirs. 1870–1918]. Compiled by A.K. Afanas'ev, and M.A. Goryacheva. Moscow: Novyi khronograf, 2020. (In Russian)

Gurko, V.I. *Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika* [Features and silhouettes of the past: The government and the public during the reign of Nicholas II portrayed by a contemporary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. (In Russian)

Kireev, A.A. *Dnevnik. 1905–1910* [The diary. 1905–1910]. Compiled, introductory article, commentary and notes by K.A. Solov'ev. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Kir'yanov, Yu.I., comp. *Pravye partii. 1905–1917. Dokumenty i materialy*. [Right-wing parties. 1905–1917. Documents and materials], 2 vols., vol. 1. Moscow: ROSSPEN, 1998. (In Russian)

Lopukhin, V.B. *Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostrannykh del* [Notes of the former head of the department at the Ministry of Foreign Affairs], edited by S.V. Kulikov. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. (In Russian)

Lukoyanov, I.V. “Kamaril'ya” [Camarilla]. In *Pervaya mirovaya voina i konets Rossiiskoi imperii* [The First World War and the end of the Russian Empire], vol. 1, *Politicheskaya istoriya* [Political history], edited by I.V. Lukoyanov, 629–87. St Petersburg: Liki Rossii, 2014. (In Russian)

Menning, B.W. *Pulya i shtyk. Armiya Rossiiskoi imperii, 1864–1914* [Bayonets before bullets: the Imperial Russian Army, 1861–1914], translated from English by N. Edelman, edited by O. Airapetov. Moscow: Modest Kolerov, 2015. (In Russian)

Polivanov, A.A. *Iz dnevnikov i vospominanii po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika. 1907–1916 gg.* [From diaries and memoirs on the post of Minister of War and his assistant. 1907–1916], vol. 1. Moscow: Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet, 1924. (In Russian)

Pozhigailo, P.A., ed. *P.A. Stolypin glazami sovremennikov* [P.A. Stolypin through the eyes of his contemporaries]. Moscow: ROSSPEN, 2008. (In Russian)

Pozhigailo, P.A., ed. *P.A. Stolypin: Perepiska* [P.A. Stolypin: Correspondence]. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russian)

“Protokoly Tsarskosel'skikh soveshchaniy (1905–1906)” [Minutes of the Tsarskoye Selo meetings (1905–1906)]. In A.V. Gogolevskii, comp., *Russkii konstitutsionalizm: ot samoderzhaviya k konstitutsionno-parlamentskoi monarkhii: sbornik dokumentov* [Russian constitutionalism: From autocracy to constitutional parliamentary monarchy: Collected documents], 39–162. Moscow: Gardariki, 2001. (In Russian)

Roediger, A.F. *Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra.* [The story of my life. Memoirs of Minister of War], 2 vols. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 1999. (In Russian)

Samoilo, A.A. *Dve zhizni* [Two lives]. Moscow: Voenizdat, 1958. (In Russian)

Savel'ev, P.Yu., ed. *Sotsial-demokraticheskie fraktsii I i II Gosudarstvennykh dum: protokoly fraktsionnykh zasedanii i materialy. 1906–1907 gg.* [Social democratic factions of the First and the Second State Dumas: Minutes of factional meetings and materials. 1906–1907]. Moscow: ROSSPEN, 2020. (In Russian)

Savich, N.V. *Vospominaniya* [Memoirs]. St Petersburg: Logos; Dusseldorf: Goluboi vsadnik, 1993. (In Russian)

Shatsillo, K.F. *Ot Portsmutskogo mira k Pervoi mirovoi voine. Generaly i politika* [From the Treaty of Portsmouth to the First World War. Generals and Politics]. Moscow: ROSSPEN, 2000. (In Russian)

Shatsillo, K.F. *Rossiya pered pervoi mirovoi voinoi (Vooruzhennye sily tsarizma v 1905–1914 gg.)* [Russia before the First World War (Armed forces of tsarism in 1905–1914)]. Moscow: Nauka, 1974. (In Russian)

Shelokhaev, V.V., ed. *Predstavitel'nye uchrezhdeniya Rossiiskoi imperii v 1906–1917 gg.: Materialy perlyustratsii Departamenta politsii* [Representative institutions of the Russian Empire in 1906–1917: Materials of perustration by the Police Department]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. (In Russian)

Shul'gin, V.V. *Dni. 1920: Zapiski* [Days. 1920: Notes]. Moscow: Sovremennik, 1989. (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914)* [Legislative and executive power in Russia: Mechanisms of interaction (1906–1914)]. Moscow: ROSSPEN, 2011. (In Russian)

Suryaev, V.N. *Russkaya imperatorskaya armiya nakanune i v gody Velikoi voiny* [Russian imperial army on the eve and during the Great War]. Moscow: Russkaya panorama, Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 2015. (In Russian)

Witte, S.Yu. *Vospominaniya* [Memoirs], 3 vols., vol. 3, edited by A.L. Sidorov. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1960. (In Russian)

Zaikina, T.V. “A.F. Rediger kak gosudarstvennyi i voennyi deyatel'. Istochniki i istoriografiya problemy (kratkii nauchnyi obzor)” [A.F. Roediger as a statesman and military leader. Sources and

historiography of the problem (a brief scholarly survey)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 20, no. 3 (2) (2018): 407–12. (In Russian)

Zaikina, T.V. “Rol' voennogo ministra A.F. Redigera v provedenii voennykh reform skvoz' prizmu ego vzaimootnoshenii s rossiiskimi gosudarstvennymi, politicheskimi i obshchestvennymi deyatel'nyami” [The role of Minister of War A. Roediger in military reforms through the prism of his relations with the Russian state officials, political and public figures]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 20, no. 3 (2018): 62–66. (In Russian)

Zaikina, T.V. “Stanovlenie A.F. Redigera kak krupnogo voennogo professional” [The formation of A.F. Roediger as a prominent military professional]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 19, no. 3 (2) (2017): 273–79. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Николаевич Егоров – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Череповецкий государственный университет (162600 Россия, Череповец, пр-т Луначарского, 5).

Information about the author

Andrei N. Egorov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Cherepovets State University (5, Pr-t Lunacharskogo, Cherepovets, Russia, 162600).

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 20.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 20.06.2022.